

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ПЕТРОСКАНДИКА»

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

**Северо-Запад России
Славяне и финны**

Под редакцией А.С.Герда и Г.С.Лебедева

к III 1324932

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А. С. Герд, Г. С. Лебедев, С.-Петербург).....	5
Введение (А. С. Герд, С.-Петербург)	8

Древняя Фенноскандия

Древнейшее население Фенноскандии (В. Я. Шумкин, С.-Петербург).....	17
---	----

Верхнее Поднепровье, Подвинье и Верхняя Русь как древнейшие зоны славяно-финского взаимодействия

Днепро-Двинская историко-культурная зона по данным археологии (В. А. Булкин, С.-Петербург)	25
Верхняя Русь по данным археологии и древней истории (Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	31
Верхняя Русь в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург)	59
История расселения на территории Верхней Руси (А. А. Селин, С.-Петербург)	72
Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI-XVII вв. (А. А. Селин, С.-Петербург)	86
Верхняя Русь по данным этнографии (И. И. Шангина, Т. А. Зимина, С.-Петербург)	100
Культура вокальных мелодий-сигналов (лесных кличей) на Северо-Западе России (М. А. Лобанов, С.-Петербург)	120
Некоторые музыкально-фольклорные ареалы и границы Верхней Руси (В. А. Лапин, С.-Петербург)	132
Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвинья (А. А. Гаджиева, С.-Петербург)	139
Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук (О. И. Конькова, С.-Петербург).....	188
Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников (В. А. Назаренко, А. А. Селин, С.-Петербург).....	232
Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания (И. Муллонен, Петрозаводск).....	248
Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	252

Приладожская Карелия

История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. (А. И. Сакса, С.-Петербург)	257
Валаамский и Коневский (Коневецкий) монастыри (Л. Сишлин, Йознсуу, Финляндия)	272
Приладожская Карелия по данным этнографии (К. Хейкинен, Йознсуу, Финляндия)	292

Проблема выделения ареала Приладожской зоны (Карельское Приладожье, Приладожская пограничная Карелия) (А. С. Герд, С.-Петербург)	299
--	-----

Обонежье

Археологические культуры Прионежья от эпохи неолита до средневековья (А. М. Спиридонов, Петрозаводск)	303
Прионежье: этническая история ареала (И. Ю. Винокурова, Петрозаводск)	310
Основные моменты монастырской колонизации Прионежья (Т. П. Дмитриева (Амелина), Петрозаводск)	325
Этнолингвистическая история Обонежья (И. Муллонен, Петрозаводск)	332
Обонежье в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург)	349
Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья (А. М. Спиридонов, Петрозаводск)	352
Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья (К. К. Логинов, Петрозаводск)	360
Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья XIX — начала XX в. (К. К. Логинов, Петрозаводск)	370
Историко-культурное зонирование Юго-Западной Карелии по архитектурным данным (В. П. Орфинский, И. Е. Гришина, Петрозаводск)	375
Северное Обонежье в свете данных этномусыковедения (Т. В. Краснопольская, Петрозаводск)	390
Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	409

Ярославско-Костромское Поволжье

Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья (В. Н. Седых, С.-Петербург)	419
Субстратная топонимия Ярославского Поволжья (А. Алквист, Хельсинки, Финляндия)	436
Диалектное членение Ярославской и Костромской областей в свете данных русистики (М. М. Кондратенко, Ярославль)	468
Ярославско-Костромской край по данным этнографии (И. И. Шангина, С.-Петербург)	477
Исторические границы и ареалы на территории Ярославско-Костромского Поволжья по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	495

Древние и современные антропологические типы

Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии (В. И. Хартанович, С.-Петербург)	499
---	-----

ОСНОВНЫЕ И «МАЛЫЕ» ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗОНЫ ЗАОНЕЖЬЯ XIX — НАЧАЛА XX в.

Заонежане в XIX — начале XX в. представляли собой одну из «локальных» (вместе с поморами, выгозерами, даниловцами и водлозерами) групп русских Олонецкой губернии. Помимо этнических черт (локальная территория, особый говор, самосознание и самоназвание) заонежан среди русских выделяло также этнографическое своеобразие в культуре и быте, осознаваемое как самими заонежанами, так и их соседями. В качестве этноконсолидирующих признаков, спланивающих заонежан в единую группу, наши информанты называли такие признаки материальной культуры, как обязательность трех окон по фасадной стене дома, «заонежский» тип наличников, местные формы и тип росписи прялок и выездных дуг, ношение заонежанками специфического кроя воротников-«саков» и женских повойников и т. д. Тем не менее, внутреннее этнокультурное единство заонежан было относительным. Оно проявлялось лишь в сравнении с окружающей этнической средой. При детальном исследовании этнографии Заонежья на его территории выделяются несколько основных и «малых» этнокультурных зон. Сложение таких зон было обусловлено историей формирования заонежан в единую группу, спецификой внутренних и внешних (по отношению к Заонежью) культурных связей. Культурная неоднородность, по-видимому, характерна и для других локальных групп Олонецкой губернии, которые еще слабо изучены.

На рис. 1, 2 отчетливо видно, что исторически тяготевшая к Заонежскому полуострову д. Пегрема (что прослеживается, начиная с археологических культур мезолита-неолита [Журавлев 1994]), не относящаяся географически к Заонежью, заселена заонежанами. Наоборот, крайний северо-запад Заонежского полуострова, очень долго не заселявшийся, занят не заонежанами, а унчанями. Уница, хотя и была основана (в XVIII в.) выходцами с Кижей, а округа ее говорила на русском языке, всегда противопоставляла себя заонежанам. Это явилось следствием большого и достаточно позднего (вторая половина XVIII — XIX в.) притока сюда сегозерских и медвежьегорских карел. Район же Челмужей, об этническом родстве населения которого с древними шуньжанами, толвуйцами и кузаранами говорилось при описании этнической истории Заонежья и Восточного Обонежья в настоящей книге, сохраняло близкое культурное родство с Заонежьем.

Кроме основных и «малых» этнокультурных зон на карте отображено проживание в Заонежье карел и «чуди», т. е. веси (согласно переписи населения 1869–1873 гг.) (см. рис. 1, 2).

Основных зон две. Самая обширная зона Заонежья — это территория бытования киже-шуньгского говора. С нею приблизительно совпадает ареал распространения «ильменско-беломорского» антропологического типа [Витов 1964], генетически связанного с выходцами из новгородских и псковских земель. Вторая зона — это территория бытования толвуйского говора, с которым совпадал ареал «атлантико-балтийского» антропологического типа. В последнем наблюдается несколько повышенная удельная концентрация «лаппоноидных» черт. Вывод же о наиболее высоком удельном весе финно-угорского пласта в культуре именно жителей Толвуйской волости на уровне этнографии сделать трудно.

Киже-шуньгский ареал волостной границей делится на две части: Шуньгскую и Кижскую. Толвуйский примерно соответствует Толвуйской волости. Каждая из них

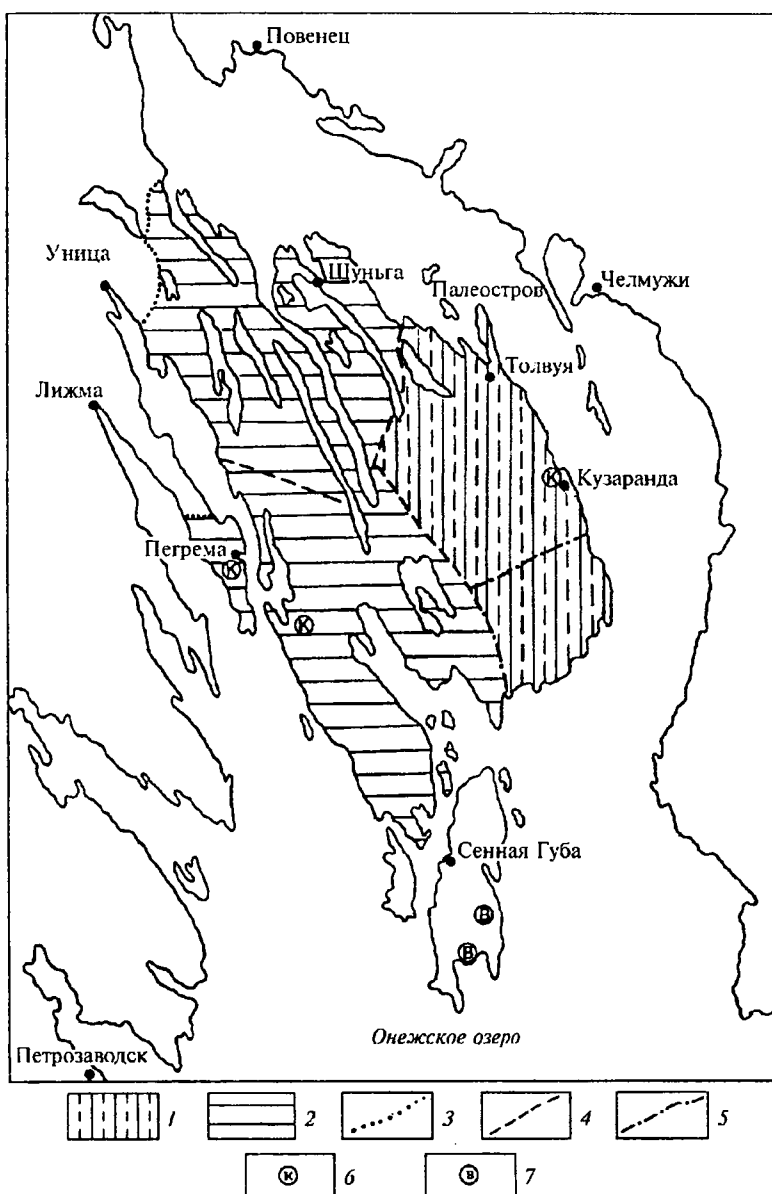

Рис. 1. Основные этнокультурные зоны Заонежья.

1 — ареал бытования толвуйского говора и «атлантико-балтийского» (по М. В. Витову) антропологического типа; 2 — ареалы бытования кижисууньского говора и «ильменско-беломорского» (по М. В. Витову) антропологического типа; 3 — сухопутная граница между территориями расселения заонежан с карелами и унчанцами; 4 — сухопутные границы между волостями по реформе 1791 г.; 5 — сухопутные границы волостей, выделенных в 1908 г. (Сенногубской) и в 1913 г. (Типиницкой); 6 — места фиксации «обруселых карел» переписью 1879 г.; 7 — места фиксации «обруселой чуди» переписью 1879 г.

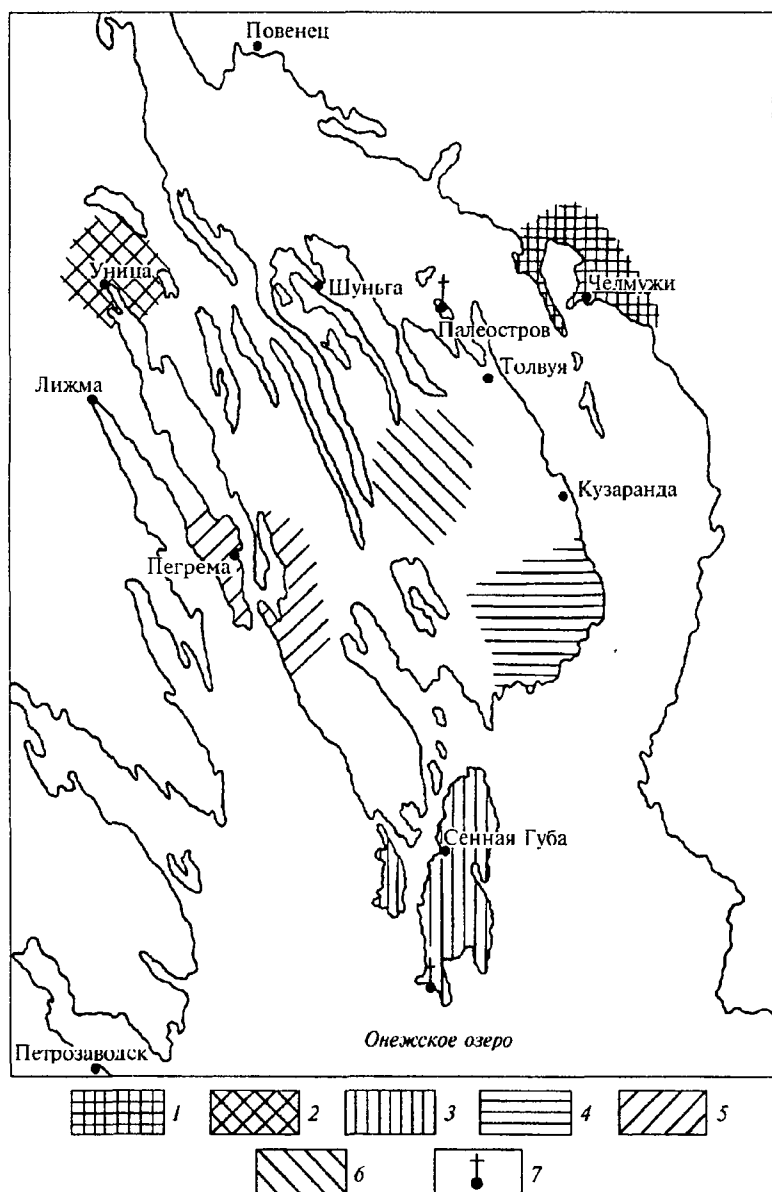

Рис. 2. Малые этнокультурные зоны Заонежья.

1 — территория расселения челмужан, 2 — территория расселения унчан, 3 — Сенногубская малая этнографическая зона I, 4 — Типиницко-Тамбицкая малая этнографическая зона II, 5 — Вегорукско-Ламбасручейская малая этнографическая зона III, 6 — Центрально-Заонежская малая этнографическая зона IV, 7 — монастыри (Клевецкий и Палеостровский).

представляла собой достаточно самостоятельную культурную зону. Это прослеживается, например, по одному из наиболее стабильных признаков этнографического уровня любого земледельческого народа Европы — способам укладки снопов для предварительной просушки в поле. В Шуньгской волости их ставили в «груды», «бараны» и «нартайи»; в Толвуйской волости — в «нарты», «мяртеги» и «няртежки»; в Кижской (с 1890 г. Великогубской) — в «бараны», «кучки» и «няртяги». При этом Шуньгская и Кижская волости были ближе друг другу в культурном отношении. Например, в Шуньгской и Великогубской волостях охотники применяли сходные медвежьи кряжи, а в Толвуйской ловушку шемицу. Шуньга и Великая Губа являлись центрами заонежского огородничества, а Толвуй — центром коневодства и т. д.

Имеются, однако, факты, противоречащие предполагаемому существованию трех зон, когда Северное Заонежье (Шуньгская волость) и Южное Заонежье (Кижская волость) противопоставлялись бы в культурном отношении Восточному Заонежью (Толвуйской волости). В Южном и Восточном Заонежье, например, бытовало ритуальное похищение «кабуш» в период петровской недели, давно исчезнувшее в Северном. В торгово-промысловых отношениях Шуньга тоже резко противопоставлялась восточной и южной частям Заонежья.

На общем «этнографическом поле» Заонежья малые этнографические зоны выделялись довольно рельефно.

Так, только в районе Сенной Губы и на Малом Леликовском острове (см. рис. 2, штриховка 3) принято было в быту ношение лаптей. Здесь же отмечалось ношение женщинами веревочных туфель-«тноней», а пастухами — берестяных сапог, неизвестных на остальной территории обитания заонежан. Бедно орнаментированные жилища Большого Леликовского острова представляют также резкий контраст с общезаонежскими традициями. Мельницы-встряки на этом острове делались с четырьмя, а не с восемью, как повсеместно в Заонежье, крыльями. Только в данном районе зафиксирован обычай ритуального заклания жертвенного барана по случаю массового падежа овец. Концентрация указанных элементов в округе Сенной Губы и на Малом Леликовском острове может быть объяснена принесением их сюда переселенцами из других регионов России, осевших в этих местах в XVIII — первой половине XIX в. Основной контингент переселенцев составляли беглые (скрывающиеся от рекрутской службы) и ссыльные. Последние поселялись иногда с семьями, что позволяет объяснить также и феномен возникновения здесь узорного тканья, не свойственного в целом культуре заонежан. Число семей ссыльных в отдельных деревнях Большого Клименецкого острова, как известно из архивных источников, превышало иногда численность семей коренного населения.

Еще большим своеобразием на общем фоне традиционно-бытовой культуры заонежан выглядит округа Типиниц-Тамбиц (см. рис. 2, штриховка 4). Происхождение части своеобразных элементов объясняется привнесением новых традиций русскими переселенцами XVIII–XIX вв. Это касается, прежде всего, узорного тканья, однозубой сохи для распаивания подсеки, колодцев с журавлем, пришитых капюшонов на дорожных армяках, использования в качестве оберегов на первый выгон скота лопатки для углей или печной заслонки. Исключительно местной, из округа Типиниц-Тамбиц, является терминология, связанная с выжиганием подсеки («сега», «чилик», «ламбинье»). Она имеет прибалтийско-финскую, а не славянскую основу. То же самое будет справедливо и в отношении названия бытовавшей только здесь сетной ставной ловушки «курты». Местный обычай поливать водою подсеку, а также людей, участвующих в ее выжигании, имеют свои аналогии, скорее, в культуре вепсов Прионежья, чем славян. Трудно назвать славянской традицией также запрет убивать лосей или обычай совершать обход стад при первом выгоне скота со щукою.

Этнографическое своеобразие традиционной культуры населения в окрестностях Сенной Губы и Типиниц-Тамбиц было, по-видимому, лишь одной из составляющих той социально-культурной ситуации, которая сложилась в этих районах Заонежья к началу XX в. и привела к их обособлению в 1908–1911 гг. в самостоятельные административные единицы (Сенногубская и Типиницкая волости).

В культурном отношении выделялось также население района Вегоруксы и Ламбасручья (см. рис. 2, штриховка 5). В этой зоне бытовали: особый, «с черной курицей», отпуск скота, особые охотничьи ловушки («ямный» лавас, пасть из камней на боровую дичь), особая расцветка некоторых деталей свадебного наряда невесты, особая конструкция настила взвоза на сарай и др. Брачные (а следовательно, культурные и хозяйственные) связи населения данного района, как отмечалось, ориентировались на кондопожскую группу карел.

Своеобразием, правда, не столь приметным, выделялась и центральная часть Заонежья (см. рис. 2, штриховка 6). Здесь роль рыболовства была очень невелика ввиду отсутствия крупных водоемов; зато повышалось значение охоты. Не случайно только в Центральном Заонежье бытовала специфическая «заонежская пасть» на боровую дичь и ловушки на волков и лис из поставленных по кругу вертикально кольев. Еще удивительнее, что в центральной части полуострова не была известна рыбацкая острога. Щук здесь ловили волосяной или металлической петлей либо специальным крюком, подцепляя за жабры или туловище. Видимо, население, проникавшее сюда с XVII в., пришло не с побережий, а откуда-то извне Заонежья. Дома здесь тоже выглядят несколько иначе. Например, практически отсутствуют классические наличники в стиле барокко и ампир, но чаще, чем в других местах, встречаются «дачные мотивы» либо оконные проемы вообще лишены резных украшений.

Таким образом, можно утверждать, что события из этнического и исторического прошлого обладают большой инерцией и способны очень долго проявляться даже в такой, казалось бы единой, культурной провинции Русской Карелии, как Заонежье.

Литература

- Витов 1964 — Витов М. В. Антропологические данные как исторический источник // История СССР. 1964. № 6.
- Журавлев 1994 — Журавлев А. П. Археологические памятники Заонежья // Кижский вестник. Вып. 4. Петрозаводск, 1994.